

Бр. 7748

ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНІЯ
СВ. ДУХЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
РЪСАНГІОЗНО-ПРАВОСЛАВНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ

О ЗНАЧЕНІИ

БРАТСКАГО ЕДИНЕНІЯ

И

ЗАДАЧАХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. А. Катанского и К^о. Невскій просп., д. № 132,
1892.

ОТДЕЛ
РЕЛИГИОЗНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

О значеніи братскаго единенія и задачахъ про- свѣтительской дѣятельности *)).

Отъ имени Совѣта Общества позволяю себѣ выразить вамъ, отцы и братія, искреннѣйшую благодарность за то, что вы отделились на нашъ призывъ и пожаловали на наше скромное, братское собраніе. Жаль, что насъ собралось не много, не такъ много, сколько желалось бы; что мало видно между вами нашихъ главныхъ дѣятелей на нивѣ нашей столичной церкви: разумѣю приходскихъ пастырей. Но за то мы видимъ здѣсь представителей всеѣхъ столичныхъ церквей,—и придворныхъ, и военныхъ, и приходскихъ, и учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, и даже будущихъ пастырей и ихъ помощниковъ—студентовъ духовной академіи. Совѣтъ очень дорожитъ нашими собраніями, потому что онъ видитъ въ нихъ одобреніе, поддержку, силу не только для себя лично, въ чемъ онъ такъ нуждается, но и для всего своего общества, и даже для всего столичнаго пастырства. Мы все принадлежимъ къ единой Церкви, исповѣдуемъ едину вѣру, получили одинаковое образованіе, имѣемъ одни, строго опредѣленные, руководственныя начала нашей нравственной жизни и пастырской дѣятельности. Мы можемъ, повидимому, дѣйствовать въ одномъ духѣ и съ одинаковымъ успѣхомъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, каждый на своемъ мѣстѣ и каждый самъ по себѣ, безъ всякихъ братскихъ собраній. Но однѣхъ нашихъ собственныхъ силъ и одного исповѣднаго, образовательнаго и административнаго единства еще недостаточно для полного успѣха нашего дѣла; нужно болѣе близкое и болѣе полное, внутреннее, а иногда и внѣшнее единеніе, не единообразіе,

*) Речь Предсѣдателя Совѣта Общества, Протоіерея Н. И. Розанова, произнесенная въ братскомъ собраніи столичныхъ пастырей, 29 января 1892 года.

Br 17748

а единеніе, общность, взаимность, братство между дѣятелями на поприщѣ единой церкви. Не даромъ наша православная Церковь называется *соборною* и всегда строго держалась и держится *соборнаго начала*. Разумѣю соборность въ тѣсномъ, буквальному смыслѣ, въ смыслѣ собранія, общества, братства. Я не буду напоминать вамъ объ исторіи нашихъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ; но позволяю себѣ возвести ваше вниманіе къ самому началу нашей святой, единой, соборной церкви, временамъ столповъ нашей церкви, богодухновенныхъ Апостоловъ, на сколько ихъ примѣръ въ настоящемъ случаѣ относится къ нашему дѣлу. Вотъ предъ моими мысленнымъ взоромъ представляется свѣтлый образъ великаго учителя языковъ. Съ какою строгостію и настойчивостію онъ постоянно и повсюду отстаиваетъ свою самостоятельность и независимость въ дѣлѣ проповѣди отъ человѣческихъ вліяній. Онъ не отъ человѣка и не по человѣку наученъ былъ благовѣствованію, но явленіемъ Самого Господа Иисуса Христа; онъ не приложился плоти и крови, получивъ призваніе къ апостольству; не пошелъ въ Иерусалимъ къ первѣйшимъ его апостоламъ, чтобы поучиться отъ нихъ евангельской проповѣди; онъ не любилъ строить на чужомъ основаніи; да и дѣло его было иного рода: тѣмъ суждено было проповѣдывать обрѣзанію, а ему—идти во языки. Но смотрите, какъ онъ дорожитъ братскимъ общеніемъ, единеніемъ. Вотъ, по тріехъ лѣтѣхъ, онъ восходитъ въ Иерусалимъ, чтобы повидаться съ Петромъ, и проводить у него 15 дней. 15 дней! Если бы и мы съ вами провели въ братской, пастырской бесѣдѣ 15 часовъ, а тѣмъ болѣе 15 дней,—много бы полезнаго мы вынесли изъ нашей бесѣды. Но 15 дней для такихъ ревностныхъ, энергичныхъ дѣятелей, какъ апостолы Петръ и Павелъ, большой срокъ. О чемъ бесѣдовали эти великіе два учителя вселенной, оба непосредственно наученные Господомъ, оба преисполненные благодати Духа Святаго,—и наединѣ между собою, и въ обществѣ Іакова, брата Божія, и другихъ іерусалимскихъ старцевъ, въ продолженіи 15 дней? Конечно, о томъ, что, по человѣческимъ силамъ, требовало взаимнаго разсмотрѣнія и обсуждения,—объ установленіи болѣе тѣснаго единенія и объ изысканіи болѣе вѣрныхъ путей и способовъ въ общемъ дѣлѣ всемірной проповѣди. Вотъ Варнава, вида широкое поприще для апостольской дѣятельности въ Антиохіи,

отыскиваетъ своего друга, Савла, и зоветъ его на помощь себѣ и успѣхъ совокупной проповѣди доходить до поразительной степени. Возникаетъ въ Антиохіи разногласіе по вопросу о принятіи въ церковь язычниковъ: Павелъ и Варнава очень хорошо сознаютъ прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ, но чтобы придать своему отвѣту большую силу въ глазахъ другихъ, чтобы было полное единеніе во всей Церкви,—идутъ въ Іерусалимъ, на совѣщаніе съ прочими апостолами и іерусалимскими старцами. Тамъ, между прочимъ, въ подтвержденіе истины, они сообщаютъ всему собранію, какія знаменія и чудеса сотворилъ черезъ нихъ Богъ между язычниками. А Апостолы и старцы, съ своей стороны, рѣшивъ главный вопросъ, какъ изволилось Духу Святому и имъ, даютъ, между прочимъ, какъ бы особенную, частную программу для проповѣди среди язычниковъ, такъ сказать, какъ бы подчеркиваютъ нѣкоторые особенные вопросы, или какъ теперь любятъ выражаться, тогдашнюю злобу дня: остерегаться требъ идольскихъ, блуда, удушенія и крови и не дѣлать другимъ того, чего не желаютъ для себя. Черезъ 14 лѣтъ (послѣ какого событія? не намъ здѣсь рѣшать этотъ вопросъ) Павелъ снова восходитъ въ Іерусалимъ съ Варнавою и Титомъ, и, замѣтите, восходитъ по особому откровенію, т. е. по особенной волѣ Божіей, чтобы, такъ сказать, провѣрить предъ апостолами и старцами іерусалимскими свою проповѣдь среди язычниковъ, не напрасно ли онъ подвизался или подвизается; бесѣдуетъ и въ общихъ собраніяхъ старцевъ, и наединѣ съ именитѣйшими изъ апостоловъ—Петромъ, Іаковомъ, Іоанномъ. И изъ этихъ бесѣдъ и онъ самъ, и его спутники и ученики, и прочіе апостолы и старцы выносятъ большее, несомнѣнное убѣжденіе въ истинѣ и плодотворности его проповѣди среди язычниковъ. При этомъ апостолы снова даютъ Павлу и Варнавѣ особое указаніе *помнить нищихъ*, что апостоль Павелъ и старался исполнять всегда съ особеннымъ тщаніемъ. Въ другой разъ встрѣчаетъ Павелъ Петра въ Антиохіи и, замѣчая недостатокъ строгой послѣдовательности въ обращеніи его съ христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ, чтобы охранить его отъ нареканія, братски обличаетъ и утверждаетъ того, кто самъ долженъ былъ утверждать свою братію (Лук. XXII, 32).

Если великіе первоучители, такіе именитые столпы церкви, какъ Петръ и Павелъ и другіе Апостолы, не пренебрегали

братскими сношеніями и не находили ихъ излишними для себя и для своего дѣла; то можемъ ли мы сказать о себѣ, что намъ не нужны никакія братскія собранія и взаимныя сношенія, не нужны ни помощь, ни совѣты другихъ, что мы сами съумѣемъ справиться съ своимъ дѣломъ? У насъ одно общее, опредѣленное дѣло, для многихъ опытно извѣстное; но въ этомъ дѣлѣ столько представляется разнообразія, затрудненій и недоумѣній, столько различныхъ требованій, условій, понятій и взглядовъ, и со стороны нашихъ пастырь, и со стороны самихъ пастырей, что и опытному пастырю и учителю не легко бываетъ разобратъ въ нихъ. Мы ведемъ, наврѣмѣрь, бесѣды во многихъ мѣстахъ, — и въ храмахъ, и въ общественныхъ и частныхъ залахъ, и на фабрикахъ и заводахъ; насъ слушаютъ десятки тысячъ. Но сколько еще остается людей, не говоря уже объ иновѣрцахъ, къ которымъ мы не можемъ проникнуть съ своимъ словомъ, или которые не могутъ или не хотятъ слышать насъ! Большинство нашихъ слушателей, обыкновенно, принадлежитъ къ простому народу и къ среднему классу, хотя встрѣчаются среди нихъ и люди всякихъ сословій и состояній. Но есть овцы, хотя отъ нашего двора, но рѣдко заглядывающія въ наши общенародныя собранія, — такъ называемая интеллигенція и аристократія. Къ намъ, на наши бесѣды, они почти никогда не ходятъ; къ себѣ на бесѣды насъ не приглашаютъ, за немногими исключеніями. Въ большинствѣ нашего духовенства сложилось даже какое-то недовѣрчивое отношеніе къ этому классу, какъ къ людямъ, мало интересующимся дѣломъ религіи, особенно православіемъ. Но кто имѣетъ возможность быть ближе знакомымъ съ этимъ классомъ нашего общества, тотъ знаетъ, что очень не мало можно встрѣтить въ этой средѣ людей и глубоко религіозныхъ, и высоко нравственныхъ, и съ искреннею любовію къ слову Божию, и даже съ обширными богословскими познаніями, и замѣчательно, что когда эти люди, наша интеллигенція и аристократія, бываютъ за границей, охотно слушаютъ тамошнихъ инославныхъ проповѣдниковъ; слушаютъ съ возбужденнымъ интересомъ инославныхъ проповѣдниковъ, когда они къ намъ пріѣзжаютъ. Чѣмъ объяснить такое вниманіе къ иноземнымъ проповѣдникамъ и малое вниманіе къ намъ? Причины, на это конечно, могутъ быть различныя; но, между прочимъ, нѣтъ ли причины и въ насъ самихъ, въ томъ,

что мы мало знаемъ другъ друга и не стараемся, и не умѣемъ и не хотимъ проникнуть въ ихъ кругъ съ словомъ евангелія. Есть, напримѣръ, у насъ двѣ—три домовныя церкви, излюбленныя столичнымъ привилегированнымъ обществомъ. Будь эти церкви въ Парижѣ, въ Лондонѣ, онѣ, навѣрное, гремѣли бы на весь городъ своими проповѣдями и проповѣдниками; а у насъ онѣ славятся только виѣшнимъ благолѣніемъ, отборною публикою, прекраснымъ пѣніемъ и... неутомительнымъ богослуженіемъ. Но говорятся ли тамъ какія нибудь проповѣди, ведутся ли какія нибудь религіозно-нравственныя бесѣды? Ничего не слышно! Нельзя ли, какъ-нибудь, и въ эти храмы ввести живое, православное, пастырское слово?.. Существуютъ въ высшемъ, привилегированномъ обществѣ нашей столицы христолюбивыя семейства, въ которыхъ собираются десятки знакомыхъ лицъ и ведутся религіозно-нравственныя бесѣды членами нашего общества, въ зимнее и, особенно, въ великопостное время. Кто участвовалъ въ этихъ бесѣдахъ, всегда выносилъ изъ нихъ самое искреннее утѣшеніе. Не найдется ли у васъ, отцы и братія, между вашими прихожанами и духовными дѣтьми, такихъ семействъ, въ которыхъ можно было бы открыть подобныя бесѣды въ предстоящемъ великомъ посту? Сообщите намъ о такихъ семействахъ; быть можетъ, общими силами, и устроимъ что-нибудь. Мы, сравнительно, довольно много дѣлаемъ для назиданія и спасенія нашей, такъ называемой, меньшей братіи, для бѣдныхъ и незнатныхъ. Нельзя ли что-нибудь сдѣлать и для старшей и и большей братіи, для знатныхъ и богатыхъ? Вѣдь и они—*дѣти Авраама*. Но, можетъ быть, они и не требуютъ нашего пастырскаго назиданія? Нѣтъ, этого далеко нельзя сказать про большинство нашей интеллигенціи! Не даромъ она такъ довѣрчиво слушаетъ иноземныхъ учителей и такъ легко увлекается *всякимъ вѣтромъ ученія*.

Есть у насъ классъ столичныхъ обитателей совершенно иного рода, который, можетъ быть, иногда и желалъ бы послушать насъ, или, по крайней мѣрѣ, исполнить хоть разъ въ году общепринятый православный долгъ исповѣди и причастія св. таинъ, да мы сами къ нему не идемъ и къ себѣ, въ наши храмы, не охотно пускаемъ его. Вы, вѣроятно, удивитесь и возразите мнѣ: кого же мы не пускаемъ въ свои храмы? Я самъ не вѣрилъ этимъ жалобамъ, пока не убѣдился

на опытъ въ справедливости ихъ. Я разумѣю многочисленный, многотысячный классъ нашихъ бѣдняковъ-оборванцевъ, обитателей ночлежныхъ домовъ, постоялыхъ дворовъ и т. п. жалкихъ пріютовъ. Бесѣды между ними мы не ведемъ; въ домовыя церкви и въ собственные залы, въ которыхъ ведутся религіозно-нравственныя бесѣды, сторожа и швейцары ихъ не пускаютъ; въ приходскіе храмы единицами они, конечно, могутъ проникать, но если бы сотни и тысячи ихъ устремились въ храмы на праздничное богослуженіе, или на исповѣдь и причастіе св. таинъ, то, навѣрное, и полиція удержала бы ихъ, и обычные посѣтители храмовъ, исповѣдники и причастники, возроптали бы на такую компанію, не безъ основанія опасаясь за свои бока и карманы,—что я испытала въ прошедшемъ году, допустивъ десятки ночлежниковъ въ свой храмъ, изъ которыхъ какъ оказалось, многіе не были по 10, по 15 лѣтъ у исповѣди и св. причастія, только потому, по ихъ словамъ, что ихъ не пускаютъ въ храмъ. А вѣдь и эти жалкіе люди—*дѣти Авраама!*. Въ прошломъ году нѣкоторые изъ студентовъ духовной академіи дѣлали опыты веденія бесѣды по ночлежнымъ пріютамъ, а нѣкоторые изъ студентовъ—священниковъ и іеромонаховъ занимались святымъ дѣломъ приготовленія къ исповѣди и исповѣдію ночлежниковъ, и, сколько извѣстно, и тѣ и другіе остались очень довольны своимъ дѣломъ, одни—своими слушателями, другіе—своими духовными дѣтьми. Нельзя ли и намъ, въ предстоящемъ, великомъ посту, повторить эти опыты? Не найдутся ли желающіе принять на себя дѣло веденія бесѣды и исповѣди по ночлежнымъ домамъ? А приходскіе священники не найдутъ ли возможнымъ открыть доступъ этому жалкому люду въ свои храмы, по крайней мѣрѣ, для причастія св. таинъ, указавъ ему удобное время и мѣсто, такъ чтобы онъ не стѣснялъ обычныхъ прихожанъ? Нельзя ли распространять по ночлежнымъ домамъ, постоялымъ дворамъ, дешевымъ столовымъ и чайнымъ помѣщеніямъ разнаго рода религіозно-нравственныя брошюры?

Есть у насъ и *ины овцы*, хотя и не далекія отъ нашего двора, но чуждающіяся насъ,—наши, такъ называемые, старообрядцы. Помните, съ какимъ вниманіемъ они ходили на бесѣды Н. Ив. Ивановскаго, съ какимъ уваженіемъ, провожая, благодарили его и говорили ему: «вотъ, если бы намъ такъ говорили, мы охотно бы слушали. Про насъ говорятъ, что мы не любимъ

истины; нѣтъ, мы любимъ; мы ищемъ ее; да намъ никто не говоритъ ее». Положимъ, между нами нѣтъ такихъ спеціалистовъ по собесѣдованію съ старообрядцами, какъ г. Ивановскій; но вѣдь мы занимаемся ученіемъ о русскомъ расколѣ или старообрядствѣ и въ семинаріяхъ, и въ академіяхъ. Неужели между нами не пайдется людей, которые, занявшись этимъ дѣломъ поприлежиѣ, могли бы предложить нѣсколько бесѣдъ, или, по крайней мѣрѣ, чтеній по части русскаго раскола? Есть, наконецъ, и *ины овцы*, которыя бѣжали или бѣгутъ отъ нашего двора и дѣлаются ожесточенными, озлобленными врагами его,—такъ называемые, пашковцы, редстовисты, штундисты и т. п. Мы мало знаемъ ихъ; но они, безспорно, не только существуютъ, но и усиливаются болѣе и болѣе въ нашей столицѣ, во всѣхъ слояхъ нашего общества, отъ верха и до низа, дерзко возставая и возмущая другихъ противъ самыхъ существенныхъ сторонъ и даже противъ самыхъ основъ нашей церкви и нашего отечества. Не обращать на нихъ вниманія и не предостерегать отъ нихъ овецъ нашихъ, какъ отъ волковъ хищныхъ, расхищающихъ стадо, было бы непростительно предъ Богомъ и предъ нашимъ долгомъ. Мы должны, по крайней мѣрѣ, строго соблюдать, чтобы въ самихъ себѣ не подавать имъ повода къ претыканію и соблазну и къ отторженію овецъ отъ нашего стада. Наши собратья, имѣющіе какія-нибудь встрѣчи съ такими людьми, не подѣлятся ли съ нами какими-нибудь своими опытами и наблюденіями, для общаго назиданія и руководства?

Возникаютъ и другого рода вопросы въ практикѣ нашего общества: *о чемъ проповѣдывать?* Область нашей проповѣди очень богата и обширна. Есть въ ней и догматы вѣры, и нравственныя заповѣди, свящ. книги, богослуженіе правосл. церкви, свящ. исторія ветхаго и новаго завѣта, исторія церкви вселенской, исторія церкви отечественной и т. п. Все это, само по себѣ хорошо, прекрасно, но изъ всей этой сокровищницы что преимущественно нужно предлагать вниманію слушателей, особенно въ началѣ, при открытіи бесѣдъ, и для начинающихъ проповѣдниковъ? Вѣдь и апостолы проповѣдывали ученіе Христово съ строгимъ разборомъ: однимъ предлагали млеко, а другимъ твердую пищу; однимъ о божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа; другимъ объ оправданіи вѣрою; третьимъ о необходимости добрыхъ дѣлъ и т. п.,—принимая во вниманіе

время, мѣсто проповѣди, потребности слушателей и т. п. Не нужно ли и нельзя ли намъ, хоть приблизительно, указать какія-нибудь руководственныя начала для выбора предметовъ и темъ для нашихъ бесѣдъ? Нельзя ли указать какіе-нибудь особенные вопросы, на которые наши проповѣдники должны обращать преимущественное вниманіе, по обстоятельствамъ нашего времени и потребностей нашихъ слушателей? Притомъ же одни и тѣ же предметы можно излагать и съ положительной и съ отрицательной стороны; можно излагать положительное ученіе вѣры и церкви православной, или обличать разнаго рода заблужденія и пороки. Молодые проповѣдники особенно любятъ обличенія, и притомъ обличаютъ очень энергично. Но что полезнѣе и чему нужно отдать предпочтеніе: учить или обличать?

Нельзя не остановить вниманія и на вопросѣ о томъ: *какъ нужно проповѣдывать*,—въ системѣ или безъ системы? Брать какой-нибудь опредѣленный отдѣлъ богословскаго ученія и излагать его одному или нѣсколькимъ проповѣдникамъ, въ строгомъ систематическомъ, научномъ порядкѣ, въ родѣ катихизическихъ бесѣдъ? Или говорить о чемъ и какъ угодно, смотря по обстоятельствамъ, или по личному вкусу проповѣдника? Въ нашемъ обществѣ много разъ возникалъ этотъ вопросъ; но онъ всегда оставался безъ рѣшительнаго отвѣта, потому что всегда слышались различныя мнѣнія, и за систему, и противъ системы; а главное, сами проповѣдники и лекторы рѣдко соглашались связывать себя однообразной системой. При этомъ возникаетъ и другой вопросъ: какъ говорить, чтобы всѣмъ было понятно и никому не скучно, когда видишь передъ собою самое разнообразное, разнокалиберное общество слушателей,—и дѣтей, и ихъ родителей, и старцевъ, простой народъ и представителей самаго интеллигентнаго класса?

Есть и еще особый, такъ сказать, специальный вопросъ у Совѣта,—относительно церкви Общества. Церковь эта строится непосредственно Совѣтомъ Общества, какъ, обыкновенно, и все въ обществахъ дѣлается, ближайшимъ образомъ, ихъ совѣтами и правленіями, съ согласія и одобренія общихъ собраний. Но, само собою разумѣется, что означенная церковь строится не для членовъ Совѣта, а для цѣлей и нуждъ всего „Общества“. Въ настоящее время отстроена временная церковь, въ которой и совершается ежедневное богослуженіе. Желательно было бы, чтобы все наше „Общество“ считало устрояемую

Совѣтомъ церковь *свою*, особенно *близкою для него* церковію, духовнымъ, живымъ центромъ, сердцемъ общества, и принимало возможно близкое и живое участіе въ ней; чтобы наши возлюбленные сочлены приняли дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій и въ заботахъ объ окончаніи постройки и благоустроеніи храма; а со стороны нашихъ досточтимыхъ собратій и сослужителей, столичныхъ пастырей, желательно, въ частности, чтобы они, во-первыхъ, пришли на помощь Совѣту съ своими братскими указаніями: какъ достигнуть того, чтобы церковь „Общества“ *дѣйствительно удовлетворяла нуждамъ «Общества»* и вполнѣ соотвѣтствовала его цѣлямъ, — распространенію религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви? А во-вторыхъ, желательно, чтобы наши возлюбленные собратія приняли непосредственное участіе и въ совершеніи службъ церковныхъ, и въ проповѣди слова Божія въ церкви «Общества».

Вотъ вопросы, которые желательно было бы обсудить въ нашемъ собраніи, или, по крайней мѣрѣ, намѣтить начала для ихъ обсужденія въ будущихъ собраніяхъ. Просимъ васъ, отцы и братія, помогите намъ своими совѣтами и сужденіями въ нашемъ общемъ дѣлѣ, въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые будутъ предложены вашему вниманію, и вообще въ вопросахъ о дѣлахъ „Общества“. Сообщите намъ, по примѣру апостола Павла и Варнавы (Дѣян. XV, 4, 12), опыты и наблюденія изъ вашей пастырской и проповѣднической практики, которые могли бы послужить къ уясненію нашихъ вопросовъ и недоумѣній и къ нашему общему назиданію. Сообщите намъ свои затрудненія и недоразумѣнія, какія, быть можетъ, встрѣчались или встрѣчаются въ вашей дѣятельности, — для братскаго обсужденія ихъ въ нашемъ собраніи. Въ нашемъ собраніи видится не мало гг. студентовъ дух. академіи, нашихъ усердныхъ помощниковъ уже въ настоящемъ и нашихъ преемниковъ, нашей надежды въ будущемъ. Не можемъ не отнестись къ вамъ, гг., съ особымъ сочувствіемъ и, если можно такъ выразиться, съ нѣкоторою, позволительною, завистью, или ревностью, съ какою, обыкновенно, старость смотритъ на юность. Вы, со студенческой скамьи приглашаетесь въ братскія собранія столичнаго духовенства и призываетесь къ непосредственному участію въ его учительской дѣятельности, о чемъ мы, въ наше время, будучи въ вашемъ положеніи, не могли помыслить и во снѣ. То, до чего мы добивались собственными усиліями, и къ чему, мы шли, можетъ быть, нетвердыми и

невѣрными шагами, дается вамъ сразу, безъ всякаго труда. Иные трудились передъ вами, а вы входите въ трудъ ихъ. Разумѣю дѣятельность нашего «Общества». Приучайтесь въ нашему дѣлу, продолжайте и усовершенствуйте его, когда самихъ васъ призоветъ Господь на пастырское служеніе. Ваша опытность еще не велика, не обогатитъ нашихъ собраній; но у васъ есть то, чего у насъ уже нѣтъ, или мало осталось; у васъ много жизни, энергіи, впечатлительности и наблюдательности. Сообщите намъ свои наблюденія и впечатлѣнія, или свои недоумѣнія, какія вамъ приходилось выносить изъ опытовъ вашей жизни и проповѣднической практики.

Не могу не выразить отъ лица Совѣта и всѣхъ присутствующихъ здѣсь лицъ искреннѣйшей и глубокой благодарности нашему дорогому гостю, высокочтимому отцу протопресвитеру Иоанну Леонтьевичу Янышеву, Духовнику Ихъ Величествъ, ревностному сочлену нашего „Общества“ съ самаго основанія его, постоянно принимавшему и принимающему самое сердечное участіе въ его судьбѣ. Если бы вы, глубокоуважаемый Иоаннъ Леонтьевичъ, и не заявили ни однимъ словомъ вашего участія въ нашемъ настоящемъ собраніи,—одно ваше присутствіе среди насъ было бы уже весьма дорого для насъ. Если вы, при своихъ почтенныхъ лѣтахъ, при своемъ высокомъ положеніи, будучи почти совершенно удалены отъ нашей пастырской приходской дѣятельности, не пренебрегли нашимъ скромнымъ собраніемъ; то какой урокъ вы даете этимъ для насъ, особенно для бывшихъ вашихъ питомцевъ по академіи, такъ глубоко уважающихъ васъ, и для нашихъ юнѣйшихъ гостей, по преданію, питающихъ высокое уваженіе къ вамъ? Кто изъ насъ можетъ считать себя въ правѣ относиться съ пренебреженіемъ къ такимъ братскимъ собраніямъ, когда вы оказываете имъ такое вниманіе? Но мы увѣрены, что вы порадуете насъ не однимъ присутствіемъ, но и своимъ сердечнымъ словомъ *).

*) Ответная рѣчь о. Янышева помѣщена въ Отчетъ за 1891—92 годъ, стр. 16—23.

Электронное издание подготовлено
Отделом религиозного образования
и катехизации Ижевской и
Удмуртской епархии

www.izhoroiik.ortox.ru

